

Светлана Балувеская

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЙ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ СУХОНЫ

Бассейн среднего течения реки Сухоны охватывает восточную часть Вологодской области: Тотемский, Бабушкинский, Тарногский, Нюксенский районы. Эта зона определяется современными исследователями как «одна из ключевых территорий, где опознавательные признаки вологодских фольклорных традиций проявляются во всей своей полноте и характерности» [7, I-1, 13].

Народная музыкальная культура среднесухонского ареала является объектом внимания собирателей с конца XIX века. В 1893 году по заданию Песенной комиссии Императорского Русского географического общества Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов записывают народные песни в трех северных губерниях, в том числе Вологодской. Итогом поездки становится издание сборника «Песни русского народа», включающего, среди прочих, наиболее значимые по мнению составителей образцы фольклора Средней Сухоны [9].

Экспедиционная деятельность заметно активизируется во второй половине XX века. В 1967–1976 годах работу по сбору фольклорно-этнографических сведений в восточных районах Вологодской области осуществляют представители Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (ныне — Российская академия музыки им. Гнесиных). Зафиксированные материалы по плачевой культуре междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги составляют основу текстологического исследования Б. Б. Ефименковой «Севернорусская причеть» [4].

В это же время (1970–1975) территории Тотемского, Тарногского и Нюксенского районов обследуются коллективом преподавателей и студентов Ленинградской (ныне — Санкт-Петербургской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. По следам экспедиций издается сборник «Народные песни Вологодской области. Песни средней Сухоны», составитель — А. М. Мехнецов [8].

С 1981 года и по настоящее время планомерную деятельность по фиксации фольклорно-этнографических материалов Вологодского края осуществляет Центр традиционной народной культуры (ранее — Лаборатория народного музыкального творчества) Вологодского государственного педагогического университета (научный руководитель — канд. иск., заслуженный работник культуры РФ Г. П. Парадovская). В районы Средней Сухоны состоялось свыше 30 экспедиционных выездов, организованных Педагогическим университетом. Полевые исследования 1987 и 1989 годов проводились совместно с Ленинградской государственной консерваторией (научный руководитель — канд. иск., профессор, заслуженный деятель искусств России А. М. Мехнецов). Результаты деятельности нашли воплощение в коллективном документальном издании «Народная традиционная культура Вологодской области. Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны» [7].

В названных выше публикациях содержатся материалы, отражающие жанровую, диалектную и историко-стилевую специфику музыкальных явлений среднесухонской традиции. Тем не менее, актуальность комплексного изучения художественных форм в системе обрядов семейно-бытового цикла данной локальной зоны сохраняется и на сегодняшний день.

В настоящей статье рассматриваются функции похоронно-поминальных причитаний в традиции Средней Сухоны на материале фольклорных экспедиций Вологодского государственного педагогического университета в Нюксенский район Вологодской области¹.

Причитания, являясь одним из значимых жанров фольклора Вологодчины, занимают ведущее место в обрядах, направленных на отчуждение представителя родового коллектива и общины, обусловленное его переходом в иной статус. В причетной сфере похоронно-поминального комплекса воплощаются устойчивые представления о жизни и смерти, об умерших, о нормах и правилах взаимодействия с ними.

Похоронно-поминальные причитания на художественно-функциональном уровне маркируют значимость каждого момента в системе обрядности. Как отмечает А. М. Мехнецов, «в текстах причитаний складывается идеальная (воображаемая) форма происходящего, устанавливаются, подтверждаются нормы обязательных взаимных отношений мира живых и душ усопших» [6, 103].

В похоронном обряде среднесухонской традиции причитания исполняются:

- после обмывания, обрядения и укладывания покойного;
- в период пребывания его в доме (в том числе во время посещения умершего родственниками и представителями деревенской общины);
- в ритуалах похоронного дня (при укладывании тела умершего в гроб, прощании в доме, выносе гроба, по дороге на кладбище, при прощании и захоронении).

¹ О бытовании причитаний в системе похоронно-поминальной обрядности среднесухонской традиции см. также в: [1; 2].

Поминальные причитания функционируют как в дни собственно поминок усопшего (третий, девятый, двадцатый, сороковой, годовщина смерти), так и в общие календарные поминки (родительские субботы, престольные праздники и др.)². Особенностью среднесухонской традиции является обычай причитать при поминании на следующий день после похорон, когда умершему «завтрак / обед носят»: «Вот обед носят назавтрее, вот то́же причитают. С обедом-то как придут, дак и причитают» (Востровский, Леваш, 1842–15)³. Также принято причитать во время посещения кладбища после еженедельной воскресной церковной службы: «Раньше как из цёрквы выйдут (было у нас, этот, не так далёко клáдбишсё-то), а как выйдут, дак на всех-то могилах прицита́ют, на всех!» (Нюксеница, 2433–18).

Однако бытует запрет на причитание в Радоницу («Ра́довальницу», «Ра́довницу», «Ра́дованницу»), так как, согласно народным верованиям, в этот праздник покойники «радуются»: «И вот теперь в Ра́довальницу хожу одна, хожу на могй́рку, неко́уда не прицита́ю — не велят прицита́ть. Вот, э́во, говорят, не надо прицита́ть — это (й)йхний праздник, дак прицита́ть не на́дэ, у (й)их праздник тамо́ка дак» (Востровский, Леваш, 1842–14).

Кладбище в среднесухонской традиции именуется «бу́ево» («святое бу́ево», «широ́коё бу́ево»)⁴ и определяется народными исполнителями как место пребывания умерших. Из воспоминаний Паневой Великоницы Васильевны, 1925 года рождения, уроженки деревни Сергиевская Раменского сельсовета Тарногского района Вологодской области: «У нас прошлый год напивсэ мне-ка бу́дэт сват и оста́вс [на кладбище]. В о́діннацеть-то часов, двенна́дцетой-от стал час, ево́ из клáдбишша-то (он напивсэ, да там спит), дак ево́ гонить: “Ты не наш, убира́йсе! Ты не наш, убира́йсе!” <...> Яви́лисе покойники, ево́ погонили: “Убира́йсе! Это не твоё место — убира́йсе, убира́йсе домой! Это на́шэ место!” Дак он на второй день ходил за шапкой-то (без шапки убежал)» (Брусноволовский, Низовки, 2018–16).

Народные представления о принадлежности кладбища умершим находят яркое выражение в причетных текстах. Например, приближаясь к кладбищу, участники похоронной процессии обращаются к ранее умершим родственникам с просьбой встретить вновь прибывшего покойного:

«Когда везут, дак мал’о⁵ ли там хто похоронен (там или брат, или та́мо свёкор, или свекровь), дак вот и прицита́ют:

“Ты встре́яй-ко, су-мамушка ли, папонька ли,
Свою невестоньку (ли хто, ково́ ли, брата ли)... <...>
Ты встре́яй-ко, су-мамушка,
К тебе едет в това́ришши,
К тебе едет своя ро́дная (там сестра или брат, или хто там)”»

(Брусенский, Монастыриха, 429–27, 29).

² Подробнее о поминальных причитаниях рассматриваемой традиции см.: [1, 23–26].

³ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации на территории Нюксенского района Вологодской области (сельский совет, деревня), а также номер единицы хранения по аудиофонду фольклорно-этнографических материалов Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. Все диалектные расшифровки выполнены автором статьи.

⁴ «Бу́ево» — «погост, место, где стоит церковь (обычно на возвышенности), место внутри ограды церковной; кладбище, могилки, могильник». См. слово «буйный» в [3, I, 138].

⁵ Вертикальный штрих возле буквы «л» обозначает более мягкое произношение, близкое тому, что существует в ряде западноевропейских языков.

При опускании гроба в могилу к покойному обращаются с просьбой передать «челобитье великое» умершим родителям:

«Ой, да передай-ко ты, л'адушка,
Ты цел'обит'ё великоё
Моёй родимой-то мамушке,
Да моёй богод'анной-то матушке»

(Нюксеница, 1321–28);

«Ой, тош(и)нёшенько, да ты скажи-ко там(ы), сёстриця,
Ой, тош(и)нёшенько, да ты родимой-то мамушке,
Ой, тош(и)нёшенько, да про моё-то житьё-бытьё»

(Брусенский, Брусенец, 413–01);

«Наказывал'а своему сыну, што:
“Передай-ко там, Вол'оденька (Вол'одей звали),
Моему серьд'ецьному дитятку
Как я живу здесь, скитаюся...”»

(Брусенский, Монастыриха, 429–34).

При поминовении («когда вот я иду поминать и дома поминаю») передают поклоны «честным родителям» не только в причетной, но и в прозаической форме: «Ну, давай, передавай покл'онник там всем, всем ц'есным родителям!» (Уфтыгский, Ивановская, 2256–20).

Любое адресное исполнение причитаний воспринимается как акт взаимодействия с представителями «иногo» мира. Обращаться к умершим — значит «трясти их», то есть тревожить: «А вот уж после обеда не надо (й)их трест'и, не надо поминать, поминать только до обеда» (Востровский, Леваш, 1834–25). Так, причитая по просьбе участников экспедиции, исполнительница проговорила: «тряхну́ мужика-то» — и обратилась к нему в причете:

«Ой, да ты оставил...
Михайлушко да з'ётюшко,
Ой, да ты на муку, на маёту,
Ой, да ты свою-ту невестушку...»

(Востровский, Копылово, 1400–24).

В среде деревенских жителей бытует мнение, что если умерших потревожить не вовремя, им «тяжело там [на том свете] будет» (Нюксеница, 1373–19), поэтому, причитая в неположенное время, высказывают опасения: «Ой, наворожим ишш'о покойника-то» (Бобровский, Бобровское, 1838–20).

Таким образом, в традиции строго регламентируется место и время художественно-обрядовой коммуникации с усопшими. Причитания при этом выполняют значимые ритуально-магические, обрядово-коммуникативные, регулятивные, апотропеические и другие функции.

Исполнителями причитаний Средней Сухоны являются женщины — родственницы, знакомые, а также приглашенные причитальщицы. Родные и близкие (мать, жена, сестра, дочь, крестная, тетка и др.) обращаются к умершему соответственно степени близости семейно-родовых отношений: «родимой мой батюшко» / «моя родимая мамушка»; «родимой мой брателко» / «родимая ты моя сёстриця», «двоюр'одная сёстриця»; «моя милая ладушка», «моё серьд'ецьноё дитятко»,

«мой желанной-от зéтюшко», «любима племённица», «моя снóшенька», «моя свáтьюшка» и т. п.

Знакомые и соседи, представители общины, прощаясь с покойным, также причитают [1, 19]. При этом к покойному обращаются в соответствии с установившимися в общине отношениями: «любáя подруженька», «блiжная моя сусéдушка» и др.

В среднесухонской традиции бытует мнение, что причитать по умершему надо «умеючи», «складно», в связи с чем для такого ответственного дела специально могли приглашать опытных причитальщиц: «Ну, плакать-то плакала, но прицитáть я не прицитáла, потому што прицитáть нáдэ тóжэ умiюци. А людям нá страм — это тóжэ худо, это тóжэ худо. Прицитáть нáдэ складно ведь. Складно! <...> Вишь, она прицитáёт не тóко сама по своему горю, а просто вот, хто пóмер, её попросят. Вот она ходит, её просят, она и всё прицитáет. Вот уж она всё вiскажёт. <...> Да вот опéть уже я за Симку. Уж хто лучше Симки прицитáў, не знаю, Олексáндра, не знаю, она всем на ужас, всем на зáвидос[т]ь» (Бобровский, Бобровское, 1839–05).

Традиционным для похоронно-поминальной обрядности Средней Сухоны является одновременное исполнение причитаний несколькими причитальщицами, при этом каждая участница «высказывает своё горе». Максимальную акустическую насыщенность звуковое поле получает в кульминационные моменты обряда — вынос гроба, путь на кладбище, погребение: «Из избi-то как стали выносить-то, дак сильно-сильно прицитáли! Все уж тут хто цёвó — все реви́ли, уж сильно прицитáли. А потом вынесли, дак вот до сáмово кл'áдбишша, я всё проревéла, всё проприцитáла — всё, всё, всё! И тётка прицитáла, и я прицитáла до сáмово кл'áдбишша» (Бобровский, Бобровское, 465–12); «Старухите ведь причитали и в три, да и в чéтыре голоса — хто чёвó мóжёт сказать, а тут не розберéшь» (Брусноволовский, Кокуево, 454–09); «Когда везут дак, конечно, уж тут-то все, все ревя́т — тут все, все-все, все-все! И каждый своё, каждый своё, каждый своё гóрэ выклáдываёт» (Нюксеница, 472–22).

При поминовении на кладбище также могли одновременно причитать несколько человек: «Мы пришли на кл'áдбишшэ-то, да со свекровкой, да свекровка с ту сторону на крéст, а я с другую сторону, дак и заревели. Взóхал'а да заревéла, да и заревéла, сáмо по себе оно тут насобираётце цевó ревить-то в горе-то» (Уфтыогский, Кокшенская, 1422–32). Асинхронное множественное исполнение причитаний (всеобщий плач) на кладбище представляет собой акт создания единого коллективного звукового ритуально-коммуникативного поля (общинной художественной коммуникации с умершими) на всем обрядовом пространстве.

При этом деревенские жители указывают на персональный характер выражения «своего горя» в причитании: «Ведь кáжной своё гóрэ выплáкываэт. Одново ведь причитáнья нет, это не песня, што вот какую знáэшь, дак спóешь. Причитáньё у всех рáзноё. <...> Так што я вот так пела, а вот Катя тот раз причитала совсем дрúгомя, у её своё гóрэ, она свои слова. Это же не песня» (Уфтыогский, Ивановская, 2256–06). «А вот просто своё горе, свою пiсьню выкл'áдываэшь: тут как живёшь, и всё вот, как за ей ухáживал'а, как цёвó был'о раньше — это всё-всё вiскажéшь, это знáэшь, всё так цёвó» (Бобровский, Бобровское, 465–12). «Напоминает-то ведь у кáждово своё гóрэ, дак он своё выклáдываёт. А тут уж и не то што уж одно и тóжэ, у кáждово своё горе» (Нюксеница, 1373–17).

Следует выделить психотерапевтическую функцию причитаний — народные исполнители отмечают улучшение состояния после «высказывания своего горя»: «Это горё своё высказывают, причитают и высказывают своё горё. Вот, ну. И как-то попрочитают, дак как ровню легче станóвитца» (Нюксеница, 2024–05). «Так што вот жалеешь, дак просто легче душе, как ты высказёшь это всё ему. Это уж из веки веков это вот причёты-те бывають» (Востровский, Леваш, 1841–29).

В необходимости посредством причитаний разжалобить («росклевить»⁶) всех присутствующих и тем самым вызвать всеобщий плач по умершему выражается значимая социально-обрядовая функция: «Я стáла прицитáть-то, матка-то иé селá ко мне тут, дак я прицитáю, да говорю:

“Твои мѐлые-те невестушки,
Дак онé бьóтце, онé убивáютце,
Да онé слэзám умывáютце...”

А онé там слэзám умывáютце, пекут шаньги. Лиза-та (Лизой-то, нáшто, матку-то и зовут Тамары-то) пришлá да говорит: “Васѐльевна, — говорит, — бѐдѐт ревить-то, девок-то, — говорит, — роскевилá”» (Уфтыюгский, Лесютино, 445–02). «А потому што, если заприцитáют, дак все ревут. Слóва-те выговаривають, дак все ревут. <...> Как тóко заревѐт, так все заревут, все слэзám умывáютця. Это просто так, што как-то все, што все жалиють вроде её все» (Востровский, Вострое, 1638–24).

По народным представлениям, причитание вызывает единое обрядовое состояние у всех присутствующих, при котором слезы «передаются» от одного человека к другому: «А кабы одна заревѐла, которая заприцитáла, дак у всех слэзы покáтился. Онé просто слэзы-те передаѐтца к другóму-ту цѐловѐку, думает ведь: “И до меня до э́того дойдѐт”. Понимаете ведь это, скажет: “И до меня до э́того дойдѐт — ой, я об ѐй реву!” Дак вот другóво-то и вызывáют э́тем. Она, раз заприцитáли, дак у её слэзы-те бежáт уж, э́воно, сами, тем говорит ведь: “До меня дойдѐт ведь это скоро. Обо мне заревут ли, нет?” У меня и говорит: “Ой, девка, девка! Я умру, дак ты и может и не попрочитáэш?” — “Мама, попрочитáю!” А как заприцитáэш, дак и все и заревут. И правда ведь: больше уж она пошлá и не вернѐтця! Потом больше как-то у цѐловѐка-то цю[в]ства-те бывають, што цѐловѐк-от пошѐу на тот свет, цюѐшь, больше ево не бѐдѐт, и не увидишь, и со[л]нцѐ не согрѐет, вот, тóко земля бѐдѐт грить, а больше никто» (Востровский, Вострое, 1638–28).

Причитание и всеобщий плач на похоронах является признаком правильного, нормативного проведения обряда: «Как она заприцитáет, тóко бы одна гѐнула — все в слэзы. <...> Да все как в голос, вся-та деревня как заревѐли дак. <...> Это хорошо, коўдá поревут. А вот так это: “Ой, да у её нехтó не ревіт!” — это плохо. “Нехтó, — говорят, — и не прослезѐсь”. А это што, вот так помóршатыце, поревут? Это не рѐв, это нáдэ с прицѐтом» (Бобровский, Бобровское, 1839–05).

Все сольные причитания в кульминационные моменты обрядового сопровождения особой ритуальной формой поведения (падение ничком), определяемой в среднесухонской традиции как «хлестание», «хлóпанье»⁷: «Вот я и заприцитáла, ты знаешь, пришлá да и хлóпнула'сь» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632–05); «А это всё я ходѐла на могѐлу цѐлой год. Эвóт э́тта

⁶ «Росклевить» — «расстроить до слез». «Клевить» — «дразнить до слез». См. слово «клевить» в: [3, II, 115].

⁷ Подробнее об этом см.: [1, 27–28].

и моги́л'а-та у це́рквы. Вот. А у нас шес[т]ь кило́метров до на́шей-то деревни. Я вот всё хлэста́л'ась и всё и прицита́л'а це́л'ой год» (Городищенский, Городишна, 418–06). «Вот как то́жо две сестры хл'опалисе, да о́не и в ростя́жку-то эдак, не на колени, а в ростя́жку-ту хл'опнутце вдоль-ту по́ пол'у — прицита́ли-то. Ой, мы едва их по́днесли!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632–06).

Таким образом, на акционально-изобразительном уровне утверждаются нормы почтительного отношения к умершим, чье покровительство необходимо для обеспечения последующего благополучия живых.

Обрядовые формы плача в народной терминологии Средней Сухоны определяются как «причитание» и «рёв», встречаются номинации «выть» и «муры́вкать» [1, 31]. Напев похоронно-поминальных причитаний местные жители именуют «мотивом» или «голосом»: «поко́йничный голос» (Нюксеница, 472–21); «голос слезли́вой» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642–02); «жа́л'обный» голос (Бобровский, Бобровское, 1839–05); «небаско́й голос» (Востровский, Вострое, 1638–33); «стра́шной мотив» (Бобровский, Бобровское, 1838–20). По убеждениям народных исполнителей, причитать надо «пылко», «громко», «во всю голову».

Значимым структурно-семантическим элементом причетных форм является возглас, который определяется современными исследователями «как коммуникативное явление, рассчитанное на непосредственное восприятие и реакцию окружающих и выполняющее функцию магического воздействия с целью достижения желаемого результата» [5, 315]. В среднесухонской традиции возглас имеет стабильное начальное местоположение в структуре мелостроки похоронно-поминальных причитаний и представлен следующими разновидностями: однослоговой («Ой!»), двуслоговой («Ой, да!» или «Да ой!»), пятислоговой («Охти, мнеченьки!», «Ой, тошнёшенько»).

1

Поминальный причет⁸

Ой, ты, мой ро - ди - мой ты, бра - тел - ко,

Ой, да рос - ска - жи - ко мне, бра - тел - ко,

Ой, те ка - ко - во об - на - цё - ва - лось,

⁸ Материалы архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. № ЭАФ 1642–02. Исп.: Коптяева О. Д., 1919 г. р., родом из д. Большая Сельменьга. Запись в д. Малая Сельменьга Дмитриевского сельсовета Нюксенского района Вологодской области, 17.03.1998. Зап.: Парадовская Г. П., Комягина О. Н. Нотация: Брагина М. С.

Ой, тош-нё... шень-ко, ты, си - за - я го - лу - буш - ка.

Ой, тош - нё - шень - ко, ты, ро - ди - ма - я ма - муш - ка.

Ой, тош - нё - шень - ко, ты ку - да на - ре - ди - ла - се?

Ой, тош - нё - шень - ко, во ко - то - ру - ю сто - ро - ну?

Ой, тош - нё - шень - ко, ты ос - та - ви - ла, ма - муш - ка.

Ой, тош - нё - шень - ко, ты се - р(и) - деч - ных - то ди - тя - ток.

Семантическое значение пятисложного возгласа «ой, тошнёшенько» раскрывается исполнителями следующим образом: «Вот это такие причёты таким мотивом, а всё приговаривают “тошнёшенько”. Это тошнёшенько — тоска. Тоска. Сына похоронит, дак ведь матери не весельё, а тоска, дак “тошнёшенько” причитают» (Нюксеница, 2024–04).

⁹ Материалы архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. № ЭАФ 472–21. Исп.: Шушкова П. П., 1914 г. р., родом из д. Порошин Двор Юшковского сельсовета. Запись в с. Нюксеница Нюксенского района Вологодской области, 18.07.1988. Зап.: Парадовская Г. П., Кулев А. В., Шалашов А. В. Нотация: Парадовская И. В.

По народным представлениям, причитать живых «заставляет» незримое присутствие умерших в обрядовой ситуации: «Это покойники, вот пока онé уж чувствуют, дак онé и заставляють, штóбы попрочитали о них» (Нюксеница, 1373–19); «онé пока тут, дак онé слышат, слышат онé» (Востровский, Леваш, 1841–29); «ужё я умру, дак послушаю, как обо мне запричитáют» (Нюксеница, 1376–29).

В среде деревенских жителей бытует поговорка: «Покойник не говорит, а у ворот стоит» (Бобровский, Матвеево, 1413–20), а значит, требует художественно-обрядовой коммуникации. Необходимость поминовения умерших представлена в следующих высказываниях народных исполнителей: «[вопрос: “А зачем поминать надо?”] — На душе б́удёт полéгце, да и всё. Онé — не помёнёшь, онé как вроде ждуть, во сне станут приснítьце, вот уж онé уж перед этим как во сне уж станут» (Бобровский, Бобровское, 1839–10); «Если уж силы нет(ы) сходить на клáдбишнё, дак хоть дома да помяни — это уж полóжёнó, Господом Богом пр́йдано, и покойником тóжé сáмоё» (Бобровский, Матвеево, 1413–20).

В целом, плачевая традиция на территории Средней Сухоны в контексте свадебной и рекрутской обрядности в наши дни практически утратила бытование, однако причитания в системе похоронно-поминального комплекса сохраняют свое функциональное значение, в связи с устойчивостью представлений о нормах и правилах взаимных отношений мира живых с миром умерших.

*Статья выполнена в рамках гранта
«Федеральная целевая программа
“Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России” на 2009–2013 годы»,
номер лота 2012–1.2.2–12–000–3004–4292.*

Использованная литература

1. Балувеская С. В. Похоронно-поминальные причитания в уфтыогской традиции Нюксенского района Вологодской области // Отечественная этномузыкология: история науки, методы исследования, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургская гос. консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 30 сентября — 3 октября 2010 г.). СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. Т. II. С. 18–36.
2. Балувеская С. В. «Свое» и «иное» в похоронно-поминальных причитаниях Нюксенского района Вологодской области // Рябининские чтения — 2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 213–216.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык., 1998. 700, 780, 556, 684 с.
4. Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М.: Советский композитор, 1980. 392 с., нот.
5. Королькова И. В. Возглас в причитаниях: структурный и семантический аспекты // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Материалы международной научной конференции. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 315–320.
6. Мехнецов А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные, «урочные» дни) — по результатам экспедиций 1999–2000 г. в Вологодскую и Смоленскую области // Традиционная народная культура и современность. Материалы научно-практической конференции (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 96–106.
7. Народная традиционная культура Вологодской области. Т. I: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. 416 с., ил., нот. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / сост., науч. ред. Г. В. Лобкова. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2009. 286 с., ил., нот.
8. Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций). Песни средней Сухоны / сост. А. М. Мехнецов. Л.: Советский композитор, 1981. 135 с.: нот.
9. Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. / записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб.: Изд. Русского географического общества, 1899. XIX, 279 с.: нот.